

Последний раздел "Тезауруса" посвящен антропонимии (с. 619–723). Он подчинен общей концепции реконструкции праформ, но по понятным причинам отличается от остальных частей книги ("попытка системной реконструкции пратюркской антропонимии" – с. 619 и сл.) и имеет (на с. 778–784) отдельные списки литературы и сокращений (что не очень удобно для читателя). Автор излагает материал "по частям речи, задействованным при образовании пратюркской антропонимической системы [...]". Внутри каждой части речи выделяются группы (или подгруппы) по тематическому содержанию признаку" (с. 619). Автор внимательно обсуждает документацию, распространение антропонимов по языкам и метафоризацию значения слов в антропонимической системе. Что касается предлагаемых архетипов, то они в большинстве не отличаются от узоров, указанных в других разделах. Очень полезной оказывается глава "Семантическая структура древнетюркских сложносоставных личных имен", а также имеющийся там список слов-компонентов (в русском переводе), сгруппированных по семантическим рубрикам (с. 702–723).

"Заключение" охватывает две главы: "Мир поздних пратюрков (*Wörter und Sachen*)" (лексика из таких семантических областей, как: "Небесные тела и небесная сфера", "Метеорологические явления", "Ландшафт и водная среда" и т.д. Список этот не может заменить алфавитного индекса!) и "О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков". В последней важной главе, суммирующей результаты

исследования, говорится об этносе-носителе языка пратюрков и регионах, в которых они жили, а также о ранней стадии развития тюрков. Глава эта, в которой читатель имеет надежду найти детальную картину пратюркской культуры в свете восстановленных элементов пратюркского, оставляет чувство неудовлетворенности. В самом деле, авторы заявляют, что "все сделанные здесь привязки носят, конечно, предварительный характер" и что соответствующую разработку они надеются представить читателю в следующем томе "Сравнительно-исторической грамматики", озаглавленном "Групповые реконструкции" (с. 734). Ожидаем.

"Лексика" имеет полный шанс стать настольной книгой всех "алтаистов" и "анти-алтаистов". Ценности этого тома не могут уменьшить даже десятки опечаток в словах западноевропейского происхождения (особенно на с. 760–778).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дыбо А.В.* 1996 – Названия подарков в пра-алтайском // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996.
Bazin L. 1983 – Réflexions sur le "problème turco-mongol" // *Turcica. Revue d'études turques*. T. XV. 1983.
Doerfer G. 1963–1975 – *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
Ramstedt G.J. 1935 – *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935.

Э. Трыярский

А.И. Коваль, Б.А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997, 253 с.

Рецензируемая монография посвящена языку, уже имеющему определенную традицию изучения. Однако, пожалуй, впервые глагольная система языка фула специально рассматривается в типологическом ракурсе. Пафос рассмотрения можно передать в виде двух вопросов: чем полезна современная типология для теоретической систематизации фульского материала и чем этот материал способен обогатить типологическую теорию? Указанный подход делает книгу интересной не только для африканиста.

Книга состоит из 4-х частей, первая из которых – "Вводная". В ней определяются

цели исследования и даются общие сведения о грамматическом строе языка фула, без которых читателю, не являющемуся фулянистом, было бы гораздо сложнее ориентироваться в последующем изложении. Часть I основного корпуса книги носит название "Синтактико-коммуникативный режим и система спряжения глагола". Часть II – "Трехчленная категория залога в синтаксических процессах". Часть III – "Актантно-значимая деривация глаголов". Закljučают книгу "Типологическое резюме" и "Приложение", о котором будет сказано ниже.

В отличие от таких западноафриканских

языков, как языки семей манде, ква, гур и др., по преимуществу изолирующих, фула (фульфульде, здесь диалект масина), принадлежащий к западно-атлантическому семейству, отличается сложной глагольной морфологией. Именно глагольной морфологии уделяют особое внимание практически все авторы описаний фула, но "невозможно назвать хотя бы две работы с одинаковым набором грамматических форм и идентичной терминологией" (с. 15).

Вполне возможно, столь широкий разброс мнений объясняется тем, что в языке фула реализуется вариант системы, до сих пор не предусмотренный общей теорией. Точнее было бы сказать, что этот вариант, отчасти имплицитно, присутствует в существующих типологических схемах, но пока не был обнаружен в описаниях конкретных языков.

Прежде чем перейти к изложению содержания Части I монографии, которая и посвящена главным образом кардинальной типологической специфике языка фула, полезно обратиться к известной работе У. Чейфа [Чейф 1982], тем более, что ее многократно упоминают и авторы рецензируемой книги. В этой работе Чейф пытается разграничить, концептуально и терминологически, разные способы языковой "упаковки" ситуации, выражающиеся в придании именным составляющим того или иного статуса, или роли. Отвлекаясь от понятий подлежащего и точки зрения (эмпатии), не представляющих здесь особого интереса, из рассуждений Чейфа можно сделать типологические выводы, согласно которым в разных языках наблюдается формализация, грамматикализация а) семантических ролей (Агенс, Пациенс и т.д.), б) коммуникативных ролей (Тема, Рема), в) референтных ролей (Данное, Новое), г) "фигурных" ролей (Фокус Контраста как фигура, противопоставленная фону). Возможны и гибридные системы, в которых одновременно существуют формальные способы маркирования ролей разных типов.

Чего не говорит Чейф, но что известно из других работ, — это участие глагола в указании на статус именной составляющей, в интерпретации актантов в терминах той или иной системы ролей. Один из наиболее исследованных в этом отношении феноменов — это, конечно, активно-пассивные и, шире, залоговые соответствия. По классическому определению Холодовича, которому следуют Коваль и Нялибули, залог есть маркированная в глаголе диатеза. Другими словами, именно форма глагола указывает на то, какова интерпретация соответ-

ствующих актантов (именных составляющих) в терминах семантических ролей (точнее, гиперролей, см. [Касевич 1992]).

Не менее — если не более — известный, хотя рассматриваемый чаще всего отдельно семантико-синтаксический феномен представлен знаменитым делением языков (синтаксических конструкций) на номинативно-аккузативные и эргативные. Здесь уже не форма, а класс глагола — переходный, непереходный — определяет семантическую роль (гиперроль) актантов¹.

Наконец, выделяется так называемый филиппинский тип, когда собственная характеристика именных составляющих, их помеченность специальными служебными словами указывает на коммуникативную роль, а форма глагола — на семантическую роль актанта, отвечающего Теме [Mallinson, Blake 1981; Касевич 1992].

В Части I монографии мы находим по существу открытие еще одного типа взаимодействия глагола и именных составляющих: согласно данным Коваль и Нялибули, форма глагола в фула указывает на Фокус Контраста, отвечающий первому актанту, — первым актантам или ядерной (глагольной) синтаксеме, ср. *Miin wuiji-i nagge* 'Это я (а не кто-либо другой) украл корову'; *Nagge nguji-u-mi* 'Я украл [именно] корову'; *Mi wuiji-i nagge nge* 'Я [именно] украл (а не купил и т.п.) корову' (с. 27).

Соответственно в фула выделяются две глагольные парадигмы, нейтральная и контрастная, со своим набором форм каждая. Если существует "филиппинский" тип языков, то отныне следует признать и реальность "фульского" типа, представленного, возможно, также в волоф и хауса (с. 53)².

Повторим еще раз, что перед нами — открытие, заполняющее "пустую клетку", в принципе предусмотренную существующими теориями, предметную область которых можно кратко очертить следующими вопросами: Роль какого типа приписывается в

¹ Разумеется, на семантическую роль актантов обычно указывают и именные (приименные) показатели, но, поскольку их выбор диктуется классом глагола, этот последний выступает определяющим фактором; при несколько ином ракурсе рассмотрения можно говорить о взаимной предсказуемости типов актантов и глагольного класса (подкласса).

² С точки зрения терминологии этот ряд, конечно, не слишком удачен (ведь не говорим мы, например, о трансфиксах как о "семитских" аффиксах, хотя они встречаются только в семитских языках), но терминологический аспект проблемы можно оставить в стороне.

языке именным составляющим? Участвует ли глагол в приписывании соответствующих ролей? Если да, то выражается это выбором формы или класса глагола (включая словообразовательные, деривационные классы, ср. ниже)?

Мы не будем рассматривать видовые парадигмы, также исследуемые в Части I. Анализ фульского вида, предпринятый авторами, представляет безусловный интерес, но его типологические импликации менее выражены. Заметим лишь, что некоторые сомнения вызывает трактовка потенциалиса как вида: и термин, и сам материал плохо согласуются с традиционно понимаемой аспектуальной семантикой. Возможно, здесь имеет место некое сложное переплетение полей аспектуальности, темпоральности и модальности, но категории времени и модальности остаются за кадром рассмотрения, предпринятого в монографии.

В Части II мы находим достаточно подробный и тщательный анализ залоговых парадигм. Соответствующие глагольные формы образуют активные, медиальные и пассивные конструкции. Авторы предварительно кратко формулируют свои представления о принципах анализа конструкций: на семантическом уровне предлагается выделять предикат и его аргументы, на синтаксическом – глагол и его актанты (с. 62–64). Можно заметить, что в семантике здесь выпадает важное понятие пропозиции, а синтаксис описывается в смешанных терминах: "глагол", частеречная категория, с одной стороны, и "актант", формально-синтаксическая категория – с другой. К тому же систематически употребляется составной термин "глагольный предикат", что также не способствует терминологической определенности. Среди актантов выделяется "главный" (подлежащее, или субъект) и второстепенные (дополнения, или объекты – еще пример терминологической нестрогости: за понятиями субъекта и объекта желательно закрепить семантическую трактовку). Здесь, надо сказать, никак не учитывается сложность проблемы первого аргумента, первого актанта, которые в разных теориях интерпретируются как внешние по отношению к базовой структуре (см. об этом, например [Sells 1985]).

Вызывает сомнения тезис о сосуществовании в пределах одной синтаксической конструкции двух прямых дополнений (с. 76–77), что едва ли возможно просто по определению. Ссылка на местоименные формы (*O hollii ma to* 'Он показал тебе его', где, как утверждается, присутствуют две

"прямо-объектные формы местоимений") не убеждает, ср. англ. *I have shown him her* – стилистически ущербная, но возможная конструкция, где все же нет двух прямых дополнений.

Чрезвычайно ценным представляется описание функционирования разных залоговых конструкций в зависимости от подкласса глагола, а также от референциального статуса имен и именных групп, замещающих валентности глагола; этот аспект чаще всего недостаточно отражен даже в языках, обладающих несравненно более длительной традицией анализа и описания.

Остановимся чуть подробнее на медиальных и пассивных конструкциях. "К анализу всех медиальных конструкций, – пишут авторы, – мы предлагаем (так в тексте. – В.К.) общий подход, а именно: мы исходим из утверждения, что в основе любого из медиальных преобразований лежит переинтерпретация *роли агенса* исходной активной конструкции" (с. 115). Этот подход иллюстрируется "хрестоматийным примером", где имеем "рефлексивный медиал с агенсом, кореферентным пациенсу": *Inna lootii biyut* 'Мать помыла (так в тексте. – В.К.) своего ребенка' – *Biyyiko lootike* 'Ее ребенок помылся' (с. 116). При этом признается, что «собственно синонимичной данной медиальной конструкции будет следующая активная:

Biyyiko lootii hoore mum 'Ее ребенок помыл сам себя'. Если это так, то реинтерпретации агенса явно нет (мать вообще не участвовала в ситуации) – налицо замена агенса.

О других случаях, наподобие *Fuyre ndee benndi, nde fuyitii* 'Фурункул созрел, он вскрылся (лопнул)', говорится, что здесь «агенс фактически отсутствует (можно считать его устранным из семантического представления), однако пациент наделен такими свойствами, которые позволяют ему "обходиться собственными ресурсами" для совершения данного действия» (с. 120). В связи с этим следует заметить, что сама идея об "устранении агенса из семантического представления" едва ли может быть поддержана: если лексикографическое толкование данного глагола с необходимостью предполагает семантическую роль агенса, то он не может быть устранным из семантического представления – хотя, конечно, может быть наложен запрет на его синтаксическое выражение, возможна референтная неопределенность агенса и т.п. С нашей точки зрения,

применительно к последнему примеру действительно не приходится говорить о вхождении роли агенса в семантическое представление высказывания – но равным образом и о вхождении пациенса: первому (единственному) актанту здесь семантически отвечает роль а б с о л ю т и в а [Касевич 1992]. Именно эта роль и ассоциируется прежде всего с неконтролируемыми и/или неориентированными состояниями и процессами, которые в типичном случае передает медий, разумеется, в тех языках, где имеется соответствующая форма или семантически близкие ей дериваты, ср. 'Х плюется' в отличие от 'Х плюет на Y' и т.п.

Очень интересно описание разных видов медия (медий эталонного результата, медий состояния и др., с. 116–126).

Медию в фула противопоставлен пассив, и различие между ними формулируется в книге абсолютно четко. Сравнивая высказывания *Rendere ndee eesike* 'Арбуз "расчленился" полностью' (медий) и *Rendere ndee eesaama* 'Арбуз разделили-на-части' (пассив), авторы пишут, что «в пассиве... где агенс тоже формально не обозначен, конструкция, тем не менее, ясно выражает, что действие по "расчленению" арбуза было совершено каким-то внешним агенсом, но он никак не определен» (с. 128–129). Следует добавить, что, по данным авторов, в фула вообще отсутствует "длинный пассив" – еще одна нетривиальная (хотя и не уникальная) типологическая особенность. В то же время отмечается чрезвычайно широкая сочетаемость показателей пассива с глаголами самых разных классов, в том числе переходных и, в частности, глаголов ненаправленного движения, ср. *Doo dogaa, an-nii maande* 'Именно тут бежали ("бежано"), вот следы' (с. 131). Подробно анализируется иерархия доступности для разных актантов с точки зрения возможности их продвижения в позицию первого актанта при пассивизации.

Как уже отмечалось выше, Часть III книги посвящена явлению, которое авторы называли "актантно-значимой деривацией глаголов". Если не считать того, что отграничение деривации от формообразования осуществляется за счет своего рода остенсивного определения (дается указание на позицию соответствующих суффиксов), следует полностью согласиться с логикой изложения: после обсуждения форм глагола, меняющих актантную рамку, предпринимается анализ дериватов, производящих тот же синтаксический эффект.

Язык фула замечателен, среди прочего,

разветвленной системой глагольной деривации. Авторы выделяют 10 типов дериватов: адресатив, каузатив, десирконстатив, социатив, реципрок, рефлексив, итератив-интенсив-реверсив, терминатив, дистантив и симулятив. Первые 6 из них и выступают "актантно-значимыми".

Возможно, особенно интересен здесь десирконстатив (показатель – суффикс *-r-*). Как пишут авторы, "общей функцией суффикса *-r-* является маркировка ввода в актантную рамку тех элементов предложения, которые обычно в традиционной грамматике признаются обстоятельством..." (с. 156). Ср. *O jannгии nduu talkuru* 'Он прочел этот документ' (с. 106) и *O jannгииrii dewtere ndee timmoode* 'Он прочел книгу до конца' (с. 157). Стоит добавить, что к приведенной выше формулировке относительно "элементов предложения, которые обычно в традиционной грамматике признаются обстоятельствами" напрашивается продолжение: "но которые в рассматриваемых конструкциях выступают актантами". Ведь употребление суффикса *-r-*, как можно понять, делает эти элементы обязательными в неэллиптических высказываниях и, следовательно, актантами ядерных синтаксиса – производных глаголов.

Эта чувствительность глагола к структуре конструкции весьма любопытна по крайней мере с двух точек зрения. Во-первых, интересно соотношение с залогом: если залог есть маркированная в глаголе диатеза при сохранении или сужении актантной рамки, то "актантно-значимая деривация" есть маркированное в глаголе расширение актантной рамки без сдвига в диатезе. Во-вторых, наглядно видна типологическая специфика такого флективного языка, как фула на фоне изолирующих языков Западной Африки, где широко распространены сериальные конструкции и для расширения актантной рамки добавляется полнозначный глагол, ср. тви *O de afoa ce boham* 'Он вложил меч в ножны', букв. 'Он взял меч [и] вложил [его в] ножны'.

Завершает основной корпус монографии "Типологическое резюме", где в целом удачно подытоживаются типологически значимые результаты исследования.

В качестве "Приложения" фигурируют "Материалы к валентностному словарю глаголов". Здесь сделан очень важный шаг к построению словаря, который давал бы максимум информации, необходимой для конструирования грамматически адекватных высказываний с использованием соответствующих глаголов. Не секрет, что имею-

щиеся словари и грамматики очень часто не отвечают этой задаче, хотя без ее выполнения говорить об адекватном моделировании языковой системы не приходится.

Разумеется, автор рецензии, не будучи специалистом в фуланистике, не в состоянии оценить достоинства (и недостатки) монографии "изнутри". Но Коваль и Нялибули, надо думать, сознательно оттенили в названии книги ее общетеоретическую направленность. Соответственно по поводу двух вопросов, сформулированных в начале рецензии, можно сказать, что авторы умело использовали положения современной типологии для анализа языка фула и существенно обогатили типологию закономерностями, установленными на материале этого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Касевич В.Б. 1992 – Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1992.
- Чейф У. 1982 – Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. и общ. ред. А.Е. Кибрика. М., 1982.
- Mallinson G., Blake B. 1981 – Language typology: Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
- Sells P. 1985 – Lectures on contemporary syntactic theories: Introduction to government-binding theory, generalized phrase structure grammar, and lexical-functional grammar. Stanford, 1985.

В.Б. Касевич

W. Boryś, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. T. II. D – J. Slawistyczny ośrodek wydawniczy, Warszawa, 1997. 361 s.

В рецензии на первый том данного словаря [Варбот 1997] уже отмечалось, что этот труд достойно продолжает серию славянских этимологических словарей, являющуюся убедительным свидетельством расцвета славянской этимологии во второй половине XX века. Но особое значение рецензируемого словаря (SEK) определяется тем, что это первый славянский диалектный этимологический словарь, который знаменует собою новый этап в истории славянской этимологической лексикографии.

Включение диалектной лексики в этимологический словарь литературного языка как материала, необходимого для этимологизации его словника, и в этимологический словарь международного языка в качестве самостоятельных словарных позиций, необходимых для полноты его историко-культурного представления, является давним и общепринятым методом использования диалектизмов в этимологической лексикографии. Примечательно, однако, что даже известный теоретик этимологии Я. Малькель, анализируя принципы организации этимологических словарей и их типологию, усмотрел в качестве основания для создания этимологического словаря преимущественно на базе диалектных (устных) материалов лишь две языковые ситуации: ограниченность грамотности и использование в письменной коммуникации другого языка или диалекта [Malkiel 1976: 75]. В этом

теоретическом контексте особенно рельефно обнаруживаются успехи славянской этимологической и диалектной лексикологии и лексикографии, которые подготовили фундамент для создания диалектного этимологического словаря как особого вида этимологической лексикографии, и заслуги авторов SEK – В. Борыся и Г. Поповской-Таборской, впервые сформулировавших и успешно решающих задачи словаря этого типа.

SEK – дифференциальный словарь, объектом анализа в котором является лексика, отличающая кашубский диалект (точнее, поморские, словинские и собственно кашубские говоры) от литературного польского языка. Соответственно этимологизация этого массива кашубской лексики не только дает ценные сведения относительно генезиса и истории лексического фонда польского и праславянского языков (для реконструкции и этимологизации которых кашубский материал и ранее широко привлекался), но и выявляет генетические характеристики лексики собственно данного диалекта, ее отличие от лексики общенародного языка, специфику ее связей в славянском континууме. Очевидно, такая постановка вопроса актуальна для этимологической лексикографии многих славянских языков, имеющих хорошо разработанный диалектный лексический материал.